К. ОРЛОВЪ.

ІОВЪ,

ПЕРВЫЙ ПАТРІАРХЪ

Московскій и Всероссійскій.

Изданіе Тверского Епархіальнаго Историко-археологическаго Комитета

(по случаю торжественнаго празднованія въ Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ 19 іюня 1907 года трехсотлѣтія со дня блаженной кончины патріарха Іова).

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Н. М. Родіонова.
1907 г.

ІЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКІ

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО Общ.
Шкафъ 12
Полка 3
№ 3 17
Инвентарь:
№ 8954

В
597

К. Орловъ.

ІОВЪ,

первый патріархъ

Московскій и Всероссійскій.

Изданіе Тверского Епархіальнаго Историко-археологическаго Комитета

(по случаю торжественнаго празднованія въ Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ 19 іюня 1907 года трехсотлѣтія со дня блаженной кончины патріарха Іова).

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Н. М. Родіонова.
1907 г.

Печатано по распоряженію Тверского Епархіальнаго Историко-археологическаго Комитета отъ 31 мая 1907 г.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИЯ
324
32

Патріархъ Іовъ родился приблизительно около 1525 г. въ г. Старицѣ Тверской губерніи. Въ мірѣ носилъ имя Іоанна. Родители его числились между „посадскими людьми“. Въ юныхъ лѣтахъ Іоаннъ отданъ былъ родителями на воспитаніе въ Старицкій Успенскій монастырь. По словамъ древняго жизнеописанія патріарха, „во дни благочестиваго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича.... юноша Іоаннъ тоя же святыя обители отъ архимандрита Германа воспитанъ и грамотѣ и всему благочинію изученъ и страху Божію добрѣ обученъ“. О воспитателѣ Іова, архимандритѣ Германѣ никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Но несомнѣнно, что вліяніе его на будущаго патріарха было весьма сильное. Юноша Іоаннъ получилъ очень солидное по тому времени образованіе, чему, конечно, не мало способствовало и то обстоятельство, что Старицкій монастырь былъ тогда однимъ изъ выдающихся русскихъ монастырей и потому привлекалъ къ себѣ лучшихъ иноковъ. Старицкіе князья много заботились о монастырѣ,—въ 1530 г. княземъ Андреемъ Ивановичемъ былъ построенъ Успенскій храмъ. Съ 1551 по 1554 г. здѣсь архимандритомъ и настоятелемъ былъ также уроженецъ г. Старицы, лѣтъ на 10—20 старше Іова, другой Германъ, знаменитый впослѣдствіи святитель, архіепископъ казанскій.

Послѣ первоначальнаго обученія грамотѣ и письму юноша Іоаннъ всесторонне изучилъ разныя церковныя книги. Въ то время много вниманія удѣляли развитію памяти,—и эта способность у будущаго патріарха была развита вполнѣ. Священныя пѣсни, церковныя молитвы, цѣлые отдѣлы изъ Библіи и святоотеческихъ твореній были заучены имъ наизусть; и онъ, будучи уже глубокимъ старцемъ и потерявши зрѣніе, свободно совершалъ богослуженіе безъ книгъ. Кромѣ того, юноша Іоаннъ былъ обученъ переписывать книги, составлять поученія, похвальныя слова, вообще—владѣть искусствомъ излагать свои мысли на бумагѣ. Такъ какъ между школою и жизнью тогда раздѣленія не было, то, обучаясь, юноша Іоаннъ принималъ самое близкое участіе въ жизни монастыря, особенно—въ богослуженіи, въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, тѣмъ болѣе, что природа надѣлила его звучнымъ и весьма пріятнымъ голосомъ, которымъ онъ производилъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

Не прерывая, вѣроятно, связей съ родителями, но все-таки постепенно все болѣе и болѣе отдаляясь отъ міра, Іоаннъ „по возрощеніи своемъ и по прехожденіи нѣсколькихъ лѣтъ“, т. е. уже вполнѣ созрѣвшимъ мужемъ, постригся въ монахи съ именемъ Іова и „у того же архимандрита Германа сей Іовъ въ послушаніи и покореніи бысть“. А затѣмъ при томъ-же архимандритѣ онъ посвященъ былъ въ іеромонаха. Когда скончался Германъ, мы не знаемъ; но вскорѣ іеромонаху Іову пришлось быть, надо думать, подъ весьма благотворнымъ для него началомъ новаго настоятеля, то же Германа, о которомъ мы сказали выше.

Въ 1556 г. царь Іоаннъ Васильевичъ (Грозный) „мѣнялъ со княземъ Володимеромъ Андреевичемъ землями—вымѣнялъ городъ Старицу и Старицкій уѣздъ“. Старица съ этихъ поръ стала однимъ изъ любимыхъ городовъ Грознаго, а Успенскій монастырь—мѣстомъ его частыхъ посѣщеній. Его иждивеніемъ въ 1570 г. построена въ монастырѣ зимняя церковь Введенія во храмъ Божіей Матери. Посѣщая Старицу, царь, самъ человѣкъ образованный и преданный церковности, не могъ не обратить вниманія на молодого образованнаго іеромонаха, отличавшагося, кромѣ того, и строгою подвижническою жизнью, и привлекательною внѣшностью. Вотъ какъ изображаетъ Іова его древній жизнеописатель: „Бѣ мужъ нравомъ, и ученіемъ, и благочиніемъ, и благочестіемъ украшенъ“. „Всю Псалтирь, и Апостолъ, и Евангеліе безъ книги (наизусть) толковалъ и читалъ“. Положенныя за богослуженіемъ чтенія изъ пролога и святоотеческихъ твореній также зналъ наизусть. Во время освященія воды на Богоявленіе и во всѣхъ крестныхъ ходахъ и Евангеліе и всѣ молитвы читалъ наизусть; всегда всю литургію Василія Великаго „безъ книги Господеви Богу возсылаше“. Даже длинныя молитвы въ день св. Троицы на вечернѣ, „противу престола на колѣну ставъ и воздѣвъ руцѣ горѣ, изустъ глаголаше“. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не забывалъ за всякимъ богослуженіемъ „учить народы“. „Во дни его не обрѣтеся человѣкъ подобенъ ему ни образомъ, ни нравомъ, ни гласомъ, ни чиномъ, ни похожденіемъ, ни вопросомъ, ни отвѣтомъ. Въ лѣта его патріаршества много изрядныхъ людей освященныхъ быша церковниковъ, но никто же таковъ дарованіемъ Божіимъ украшенъ“. Когда онъ читалъ молитвы въ день Пятидесятницы, то даже не слезливые плакали, потому что „гласъ его бяше умиленъ во чтеніи, громогласуя и добротою (красотою) чтенія у всѣхъ сердце, яко огнемъ, попаляя и просвѣщая къ умиленію плача“. И это было тѣмъ болѣе удивительно, что онъ былъ строгимъ постникомъ, „николи же не имѣя гортани своей никакова покоя ни во брашнахъ, ни въ питіи, и всегда алчбу и жажду держа волею. И гладну ему сущу, а гласъ его во обличеніе бѣ питающимся и упивающимся.

Прекрасенъ бо бяше въ пѣніи и во чтеніи и во умѣреніи, яко труба дивна всѣхъ веселяя и услаждая слухи сердца слышателей". Далѣе древній жизнеописатель отмѣчаетъ, что Іовъ такимъ остался до конца жизни: „и обычая своего якоже въ нищетѣ убогаго иночества, такожде и въ величествѣ и въ богатествѣ патріаршества, никакоже измѣни". За роскошнымъ царскимъ столомъ Іовъ „изъ златыхъ сосудовъ піяше, но не піянство, но токмо воду едину, и тое въ мѣру". Любилъ подрядъ служить обѣдню три или четыре седьмицы; часто по новопреставленнымъ служилъ 40 дней; вообще, рѣдкій день не служилъ самъ литургію. При этомъ не обращалъ вниманія, есть-ли кому служить съ нимъ, такъ что, будучи даже патріархомъ, часто служилъ одинъ, „и лѣнивыхъ никакоже никогда царю не оглашая и никого никогда же не оскорбляя, ни стужая никому, но всѣхъ милуя и презлишно питая". Вообще, къ духовенству Іовъ былъ „питатель щедръ и милостивъ".

Такія выдающіяся качества Іова обратили на себя вниманіе Грознаго, и Іовъ „отъ царя Ивана Васильевича умоленъ (очевидно, потому, что отказывался) быти архимандритомъ въ ономъ монастырѣ". Въ какомъ это году произошло и сколько времени Іовъ настоятельствовалъ въ Старицѣ, неизвѣстно; есть только указаніе, что въ 1569 г. Іовъ уже былъ Старицкимъ архимандритомъ. Несомнѣнно одно—будущій патріархъ пользовался большимъ расположеніемъ царя. Грозный находитъ нужнымъ приблизить его къ себѣ и поэтому въ 1571 г. переводитъ его въ Москву настоятелемъ Симонова монастыря, а затѣмъ, въ 1575 г.—настоятелемъ монастыря, считавшагося царскимъ,—Новоспасскаго. „Повелѣніемъ" того же царя Ивана Васильевича въ 1581 г. Іовъ поставленъ былъ „на престолъ на коломенскую епископію". Въ 1584 г. Грозный скончался, но это не помѣшало дальнѣйшему возвышенію Іова. Своими выдающимися личными качествами и своею пастырскою дѣятельностью онъ снискалъ къ себѣ расположеніе сына и преемника Грознаго—царя Ѳеодора Іоанновича и „правителя русской земли" Бориса Годунова.

Такъ какъ послѣдующая судьба Іова тѣсно связана съ судьбою Бориса Годунова, то мы скажемъ нѣсколько словъ о состояніи нашего отечества въ то время и о личности Годунова.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія Русь переживала тяжелый переломъ въ своемъ развитіи. Отъ прежнихъ, устарѣвшихъ формъ жизни, основанныхъ на княжескихъ, вѣчевыхъ, боярскихъ и общинныхъ отношеніяхъ, Русь переходила къ новой, высшей формѣ общественной жизни—къ государственному строю. Съ этимъ моментомъ въ нашей исторіи совпало прекращеніе Рюриковой династіи.

Только что объединившись въ большое и могущественное государство, Русь вынуждена была цѣною страшной борьбы и страданій, помимо установленія новыхъ началъ жизни, найти себѣ новую династію, которая была бы въ силахъ повести ее по новому пути.

Царь Ѳедоръ Ивановичъ былъ совершенно неспособенъ къ управленію государствомъ. Отъ природы болѣзненный, онъ отличался черезчуръ тихимъ характеромъ и былъ склоненъ скорѣе къ иноческой жизни, чѣмъ къ какой-либо другой. „Постникъ“ и „молчальникъ“, онъ никакими государственными дѣлами, даже разсмотрѣніемъ какой-нибудь простой жалобы, самъ никогда не занимался.

Грозный, умирая, поручилъ своихъ сыновей, Ѳеодора и Димитрія, нѣсколькимъ приближеннымъ вельможамъ, въ числѣ которыхъ былъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, потомокъ татарскаго мурзы Чета, пріѣхавшаго на Русь въ 1329 г. Борисъ еще въ дѣтствѣ былъ взятъ царемъ ко двору и съ тѣхъ поръ былъ при Грозномъ неотлучно. Впослѣдствіи онъ возвысился, благодаря, прежде всего, браку своему съ дочерью любимца царскаго, извѣстнаго опричника Малюты Скуратова, и особенно благодаря браку сестры Бориса Ирины съ царевичемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ. Надо сказать, что по свидѣтельству современниковъ, та и другая принадлежали къ числу лучшихъ женщинъ того времени.

Среди боярства и вельможъ Борисъ, какъ объ этомъ говорили даже враги, былъ самою крупною личностью. Иванъ Грозный, выдѣляя Бориса изъ ряда другихъ, называлъ его своимъ сыномъ. „Борисъ благолѣпіемъ цвѣтущи, и образомъ своимъ множество людей превзошедъ. Мужъ зѣло чуденъ и сладкорѣчивъ, вельми благовѣренъ, и нищелюбивъ, и строителенъ вельми, о державѣ своей многое попеченіе имѣя и много дивное отъ себя творяще“. Безпристрастные историки, дѣйствительно, находятъ, что Борисъ, и какъ правитель государства при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, и какъ царь послѣ него, отличался качествами, которыя вполнѣ давали ему право стать родоначальникомъ новой династіи. Его дѣятельность свидѣтельствуетъ о томъ, что никто лучше его не понималъ тогдашняго положенія государства. Все, что сдѣлано имъ для государства, и долженъ былъ сдѣлать мудрый правитель и царь.

Такъ, благодаря Годунову, совершилось важное преобразованіе въ строѣ церкви русской,—было учреждено патріаршество. Русскіе люди давно мечтали о патріаршествѣ, такъ какъ считали Москву третьимъ Римомъ (т. е. по чувству преувеличеннаго національнаго самосознанія) и такъ какъ, съ другой стороны, московскій митрополитъ на самомъ дѣлѣ былъ независимъ отъ константинопольскаго

патріарха, невольника и данника султана турецкаго. Но теперь интересы государственные потребовали, чтобы первосвятитель церкви русской былъ облеченъ саномъ патріарха и сталъ въ равныя отношенія къ восточнымъ патріархамъ. Это возвышало личность московскаго святителя на Руси и самую русскую церковь въ глазахъ всего христіанства. Къ патріарху подвластные ему святители и все духовенство, а также и мірскіе люди должны были относиться (и на дѣлѣ относились) съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ митрополиту, который по законамъ церковнымъ самъ подчиненъ патріарху. Вслѣдствіе этого, распоряженія патріарха имѣли больше силы, чѣмъ распоряженія митрополита. Власть московскаго первосвятителя въ русской церкви стала такою же сильною, какъ и власть царя въ русскомъ государствѣ. При полномъ согласіи той и другой власти государство должно было процвѣтать.

Другимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ „изряднаго правителя земли русской“ было прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Мѣра эта вызвана была тѣмъ обстоятельствомъ, что „старѣйшіе бояре,“ владѣвшіе большими помѣстьями, переманивали къ себѣ крестьянъ отъ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, вслѣдствіе чего хозяйство послѣднихъ расшатывалось, богатые же бояре пріобрѣтали еще больше богатства, а крестьяне привыкали къ бродяжничеству. Послѣдствія этого, конечно, были бы весьма печальны, если бы Борисъ не позаботился запретить крестьянамъ переходъ отъ одного владѣльца къ другому. Надо замѣтить при этомъ, что закрѣпленіе крестьянъ при Борисѣ Годуновѣ и позднѣйшее крѣпостное право не имѣютъ между собою ничего общаго. Крестьяне при Годуновѣ не были рабами помѣщика, какими они стали впослѣдствіи; они пользовались тогда полною свободою, кромѣ права переходить съ мѣста на мѣсто, отъ одного владѣльца къ другому.

Борисъ Годуновъ много заботился и о торговлѣ и промышленности. Со времени Годунова Россія завела правильныя торговыя сношенія съ иностранцами, которымъ было предоставлено въ Россіи право безпошлинной торговли.

Но особенно обращаютъ на себя вниманіе заботы Годунова объ образованіи народномъ и объ исправленіи грубыхъ и жестокихъ нравовъ тогдашняго русскаго общества. Недовольствуясь однимъ церковнымъ образованіемъ, Годуновъ сталъ приглашать иностранцевъ къ себѣ на службу, даже посылалъ въ Германію за учителями, намѣреваясь открыть въ Россіи разныя школы, выписывалъ иностранныхъ врачей, мастеровъ и ремесленниковъ, посылалъ русскихъ молодыхъ людей за границу для образованія и т. д. Въ домашнемъ обиходѣ

сталъ замѣчаться переходъ къ новому,—Борисъ не преслѣдовалъ тѣхъ, которые стригли себѣ бороду; женщины стали выходить изъ своего затвора. Когда супруга Бориса выѣзжала на прогулку, то приближенныя ея женщины сопровождали ее верхомъ на лошадяхъ. Заботясь объ исправленіи грубыхъ нравовъ, Борисъ „злыхъ людей (разбойниковъ, воровъ и т. п.) лютѣ изгубляше, и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть.“ Борисъ запретилъ содержаніе питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора или убійцу, чѣмъ того, кто, вопреки его указу, осмѣлится открыть корчму. „Пусть, говорилъ Борисъ, дома каждый ѣстъ и пьетъ, сколько хочетъ; можетъ и гостей пригласить; но никто да не дерзнетъ продавать вино въ Московскомъ государствѣ; если же содержатели питейныхъ домовъ не имѣютъ иныхъ средствъ къ пропитанію, то пусть подадутъ просьбы, и получатъ земли и помѣстья.“

Таковы важнѣйшія дѣла правленія Бориса Годунова. Мы остановились на нихъ потому, что Іовъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Годунова. Съ Іовомъ Борисъ познакомился, надо думать, еще при Грозномъ. При царѣ же Ѳеодорѣ Іовъ былъ уже другомъ Годунова. До какой степени Іовъ любилъ послѣдняго, видно изъ его прощальной грамоты, гдѣ онъ, сказавши о вступленіи на престолъ Бориса Годунова, говоритъ далѣе: „сего ради отъ печали свободу прияхъ, и порадовахся велми о немъ государе, и во благоденствіи пребывахъ, понеже бо зело всячески мя преупокои во вся дни живота моего, егда же бѣхъ на Коломенской епископіи, и на Ростовской архіепископіи, тако же и въ митрополитехъ и на патріаршескомъ степени, яко не могу по достоянію изрещи превеликія его царскія милости къ себѣ смиренному.“ Точно также и Борисъ въ своихъ посланіяхъ къ Іову именовалъ его „первопрестольникомъ всея великія Россіи, истиннѣ изыскателемъ отеческаго преданія, отъ Бога препрославленнымъ ревнителемъ благочестія, твердымъ столпомъ православія, архіереемъ богодухновеннымъ, источникомъ духовныхъ ученій, великимъ господиномъ, государемъ и отцемъ.“

Благодаря, такимъ образомъ, „правителю земли русской“ Борису Годунову, Іовъ изъ Коломенскихъ епископовъ возведенъ былъ въ началѣ 1586 г. въ санъ архіепископа Ростовскаго, а въ концѣ того же года сталъ митрополитомъ Московскимъ. Чрезъ 2 съ небольшимъ года, съ учрежденіемъ въ Россіи патріаршества, этимъ достоинствомъ облеченъ былъ Іовъ—26 января 1589 г.

Со вступленіемъ на Московскую митрополію, а затѣмъ на Всероссійскій патріаршій престолъ Іова встрѣтили многія заботы и препятствія, которыя ему надо было преодолѣвать. Онъ самъ говоритъ

объ этомъ такъ: „много болѣзновахъ о бѣдахъ человѣческихъ паствы моея и многими напастями пререкаемъ быхъ.“ Дѣла паствы при вступленіи на митрополію Іова были разстроены. Особенно обращали на себя вниманіе недостатки въ жизни Московскаго духовенства. Многіе попы и діаконы одержимы были страстью неумѣреннаго винопитія; другіе же не служили сами въ своихъ перквахъ, а нанимали служить сторонних священниковъ или іеромонаховъ; нѣкоторые соблазняли народъ неприличнымъ поведеніемъ за богослуженіемъ и въ крестныхъ ходахъ; особенно неприличны были пришлые безмѣстные священники и діаконы, которые собирались у Фроловскаго моста (у теперешнихъ Спасскихъ воротъ) и чинили великія безчинства, заводили игры, бранились и боролись между собою, и тутъ-же нанимались служить литургію или отправить какую-нибудь требу. Для исправленія этихъ недостатковъ патріархъ Іовъ учредилъ въ 1592 г. въ Москвѣ 8 поповскихъ старостъ (благочинныхъ) и поручилъ имъ надзоръ за духовенствомъ; а за самими поповскими старостами должны были наблюдать четыре протопопа. Неисправимые попы и діаконы вызывались къ патріарху, и онъ лично увѣщевалъ ихъ—всегда съ кротостью, какъ любящій отецъ, а не какъ строгій и грозный начальникъ.

Почти ежедневно совершая самъ литургію, патріархъ Іовъ много заботился о богослуженіи. При немъ были установлены новые церковные праздники въ честь святыхъ: Василія блаженнаго, Іосифа Волоколамскаго (которому самъ Іовъ написалъ канонъ и исправилъ службу), трехъ Московскихъ святителей—Петра, Алексія, и Іоны, Казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія, князя Углицкаго Романа Владимировича, преподобныхъ Антонія Римлянина и Корнилія Комельскаго. Въ патріаршество Іова обрѣтены мощи Василія Блаженнаго, Гурія и Варсонофія, князя Романа, Антонія Римлянина, Корнилія Комельскаго, митрополита Московскаго Филиппа (изъ Тверского Отроча монастыря перенесены были въ Соловецкій монастырь), Казанскаго святителя Германа (изъ Москвы перенесены въ г. Свіяжскъ въ основанный имъ монастырь). При Іовѣ же напечатаны были въ первый разъ многія богослужебныя книги (тріоди, октоихи, минея общая и др.), при чемъ возникла мысль о необходимости исправить эти книги, такъ какъ въ нихъ было много разнаго рода неисправностей и ошибокъ.

Обстоятельства времени побудили патріарха Іова оказать содѣйствіе къ поддержанію христіанства въ Грузіи. Въ 1586 г., изнемогая въ борьбѣ съ турками и персами, грузинскій царь Александръ просилъ царя Ѳеодора Ивановича принять Грузію подъ свою высокую державу. Просьба Александра была уважена. Оказалось далѣе, что и въ церковномъ отношеніи дѣла Грузіи плохи: ощущался недоста-

токъ въ „учительныхъ людяхъ,“ въ иконописцахъ и т. д. Царь Ѳеодоръ и патріархъ Іовъ приняли самое живое участіе въ христіанахъ иверской земли. Іовъ, кромѣ того, написалъ къ Грузинскому царю и къ Грузинскому митрополиту два обширныя посланія, въ которыхъ даетъ наставленія о томъ, какъ они, царь и митрополитъ, должны заботиться о сохраненіи въ Грузіи православной вѣры. Посланія и посланные духовные люди были приняты съ восторгомъ, и Александръ отвѣчалъ патріарху, что русскіе священники—ангелы для духовенства иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ.

Много потрудился патріархъ Іовъ и для утвержденія христіанства въ новоприобрѣтенныхъ Россіею странахъ: въ Казанскомъ краѣ, въ Сибири, въ Кореліи. Въ эти мѣста посылались искусные и образованные пастыри, тамъ сооружались храмы Божіи и монастыри; вообще, принимались мѣры къ тому, чтобы эти окраины были просвѣщены ученіемъ христіанскимъ.

Объ архипастырской дѣятельности Іова другихъ свѣдѣній не сохранилось: смутное время уничтожило множество историческихъ памятниковъ. Что же касается гражданской или государственной дѣятельности перваго патріарха, то о ней намъ извѣстно гораздо больше. Прежде всего надо сказать, что во всѣхъ указанныхъ выше дѣлахъ Бориса Годунова Іовъ принималъ ближайшее участіе, такъ какъ вообще, со времени учрежденія патріаршества духовенство начинаетъ оказывать сильное вліяніе на судьбы нашего отечества. Патріархъ, особенно, вѣроятно, въ силу личнаго уваженія благочестиваго царя Ѳеодора и „изряднаго правителя“ Бориса Годунова къ Іову, и другіе высшіе іерархи являются постоянными членами земскихъ соборовъ, созывавшихся во дворцѣ царскомъ по пятницамъ. При этомъ голосъ патріарха и духовенства часто имѣлъ рѣшающее значеніе. Такое участіе духовенства въ государственныхъ дѣлахъ, начало которому положено при Іовѣ, какъ извѣстно, спасло Россію въ смутное время. Іерархи и вообще духовенство стали во главѣ лицъ, управлявшихъ государствомъ, и вывели наше отечество изъ ужаснаго положенія, въ какое его поставила смута, или, какъ тогда говорили, великая государственная „разруха“.

Первымъ по времени и важнымъ въ исторіи государства событіемъ, въ которомъ принималъ видное участіе патріархъ Іовъ, было дѣло объ убіеніи царевича Димитрія. 15 мая 1591 г. въ г. Угличѣ былъ убитъ единственный братъ бездѣтнаго царя Ѳеодора Іоанновича, девятилѣтній Димитрій. Кто его убилъ и по какимъ побужденіямъ, объ этомъ исторія до сихъ поръ положительныхъ свѣдѣній не имѣетъ. Впослѣдствіи молва, перешедшая въ лѣтописи, приписывала убіеніе

царевича Борису Годунову. Но сейчасъ историки говорятъ, что нѣтъ основаній приписывать это дѣло Борису и утверждать, что именно онъ подослалъ убійцъ, чтобы очистить себѣ путь къ престолу. Это дѣло—темное, и о немъ мы знаемъ только изъ такихъ источниковъ, которые принадлежатъ врагамъ Годунова и которые приписываютъ послѣднему безусловно невѣроятныя дѣйствія и намѣренія. Тѣмъ больше интереса представляетъ освѣщеніе этого дѣла, какое даетъ патріархъ Іовъ.

Когда, по царскому повелѣнію, былъ произведенъ въ Угличѣ розыскъ о смерти Димитрія, то князь Василій Шуйскій и другія посланныя съ нимъ лица представили дѣло такъ, что царевичъ, страдая падучею болѣзнью, будто нечаянно самъ накололся на ножъ, играя со сверстниками. Царь приказалъ представить это дѣло патріарху и духовному собору. Патріархъ Іовъ, основываясь, надо думать, на донесеніи, какое сдѣлалъ ему крутицкій митрополитъ Геласій, ѣздившій въ Угличъ для погребенія царевича, рѣшилъ дѣло такъ: „царевичу Димитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ“, а родственники Димитрія по матери Нагіе и угличане, убившіе подозрѣваемыхъ въ убіеніи царевича дьяка Битяговскаго, Качалова и другихъ, совершили преступленіе. Царь согласился съ рѣшеніемъ патріарха и духовнаго собора. Іовъ не сказалъ, что царевичъ закололся самъ, а сказалъ, что смерть его „учинилась Божіимъ судомъ“. Очевидно, онъ зналъ, что Димитрій былъ убитъ. Дѣйствительно, въ своей прощальной и предсмертной грамотѣ, которая была прочитана московскому народу, Іовъ выражается объ этомъ дѣлѣ опредѣленнѣе: царевичъ Димитрій, говоритъ онъ, „пріятъ закланіе неповинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ“. Кто были эти измѣнники, мы не знаемъ и, вѣроятно, никогда не узнаемъ. Только Іовъ не считалъ въ числѣ этихъ измѣнниковъ Бориса Годунова, о которомъ въ этой же грамотѣ, какъ и всегда и вездѣ, отзывается самымъ лучшимъ образомъ.

Въ дѣлѣ возведенія на престолъ Бориса Ѳеодоровича Годунова патріархъ Іовъ принималъ самое видное участіе. 7 января 1598 г., черезъ семь лѣтъ послѣ убіенія царевича Димитрія, скончался послѣдній представитель Рюриковой династіи на русскомъ престолѣ, царь Ѳеодоръ Ивановичъ. Патріархъ Іовъ оплакалъ почившаго самыми непритворными слезами и для памяти потомству написалъ житіе царя Ѳеодора Ивановича. Изъ числа кандидатовъ на царскій престолъ самымъ достойнымъ и въ глазахъ современниковъ и по суду исторіи былъ Борисъ Годуновъ, называвшійся и на самомъ дѣлѣ бывшій „изряднымъ правителемъ земли русской“ во все четырнадцатилѣтнее царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Поэтому патріархъ Іовъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы на престолъ возведенъ былъ не кто иной,

какъ Борисъ Годуновъ. Сохранилась весьма интересная подробная исторія возведенія послѣдняго на московскій тронъ. Не останавливаясь на этой исторіи, мы скажемъ только, что Іовъ въ данномъ случаѣ вполнѣ отблагодарилъ Бориса за все то доброе, что послѣдній сдѣлалъ для него,—своимъ возведеніемъ на престолъ безъ всякой смуты Годуновъ обязанъ былъ всецѣло другу своему, патріарху Іову.

Послѣдствія возведенія Бориса на престолъ при дружескихъ отношеніяхъ его съ патріархомъ были вполнѣ благодѣтельныя для государства. Въ первые годы мирнаго царствованія Бориса при постоянныхъ его попеченіяхъ (о которыхъ мы говорили выше) о благоустроеніи державы русскіе люди благоденствовали и благословляли царя. Но дни всеобщаго спокойствія и благоденствія не были продолжительны. „Старѣйшіе бояре", исконные враги Годунова, стали замышлять о сверженіи его съ престола. Годуновъ узналъ объ этомъ, и въ немъ развилась подозрительность къ знатнымъ боярскимъ родамъ. А невѣжественные и нравственно испорченные люди стали стараться использовать эту подозрительность царя для своихъ мелкихъ личныхъ выгодъ. Развились доносы царю на бояръ; особенно усердствовали въ этомъ холопы. Борисъ сталъ подвергать бояръ опалѣ, и въ этомъ ему невольно содѣйствовалъ Іовъ, которому такъ же, какъ и Борису, трудно было разобраться въ справедливости того или другого доноса. Древнее житіе патріарха, написанное, впрочемъ, лицомъ, не расположеннымъ къ Годунову, говоритъ, что „мнози люди стужаху ему (Іову), глаголюще: что, отче святый, новотворимое сіе видѣши, а молчиши?—И совѣсть сердца его, яко стрѣлами, устрелено бываше, и не могій, что сотворити, еже сѣмена лукавствія сѣема видѣ и винограда Христова дѣлатель сый, изнеможе, токмо ко Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую слезами обливаше.... День и нощь со слезами непрестанно въ молитвахъ предстоя въ церкви Божіи, и въ келіи своей непрестанно молебная пѣнія соборомъ поя съ плачемъ и съ великимъ рыданіемъ и со многими слезами, такожде и народъ съ плачемъ моля, дабы престали отъ всякаго злаго дѣла, паче же отъ доводовъ и отъ ябедничества. И бѣ ему непрестанныя слезы и плачъ непостижный".

Одновременно съ этимъ Россію постигло тяжкое, неслыханное бѣдствіе. Весною 1601 г., т. е. черезъ три года по воцареніи Бориса, дожди лили въ теченіи десяти недѣль, а 15 августа ударилъ жестокій морозъ. Запасовъ стараго хлѣба хватило прокормиться чрезъ зиму, но весною 1902 г. крестьяне, къ несчастію, по предразсудку, что изъ новаго хлѣба бываетъ лучшій урожай, засѣяли поля зерномъ прошлаго года, недозрѣвшимъ. Конечно, никакого урожая и въ этомъ году не получилось. Въ странѣ насталъ ужасный голодъ. Четверть

хлѣба, цѣнившаяся раньше до 10 копѣекъ, вздорожала до трехъ рублей. Люди стали хуже звѣрей. За ломоть хлѣба убивали другъ друга. На московскихъ рынкахъ въ пирогахъ продавали человѣческое мясо. Обезумѣвшія отъ голода матери ѣли собственныхъ младенцевъ. Вмѣсто хлѣба многіе ѣли только траву (лебеду) и кору древесную. Появились тяжелыя болѣзни,—въ одной Москвѣ погибло болѣе 127 тысячъ народу. Царь Борисъ и патріархъ Іовъ употребляли всѣ усилія, чтобы ослабить ужасъ великаго голода. Были открыты царскія житницы въ Москвѣ и другихъ городахъ; духовенство и монастыри продавали хлѣбъ низкою цѣною. Бѣднымъ Борисъ раздавалъ цѣлыя кучи серебра, что, впрочемъ, только увеличило въ Москвѣ число пришлыхъ нищихъ, ставшихъ заниматься разбоемъ. Вообще благодаря голоду, разбой и бродяжничество очень развились и усилились во всей странѣ. Цѣлыя шайки бродягъ и разбойниковъ хозяйничали на большихъ дорогахъ и даже подъ самою Москвою.

Тяжелымъ положеніемъ государства рѣшили воспользоваться для сверженія Бориса его прежніе враги. Они (еще въ 1600 г.) стали роспускать молву, что царевича Димитрія хотѣлъ убить Борисъ, но что это ему не удалось,—убитъ былъ будто-бы не царевичъ, а какой-то другой ребенокъ; царевичъ же спасся и живъ. Нашли и какого-то неизвѣстнаго бродягу, который впервые выдалъ себя за царевича Димитрія въ Польшѣ. Поляки, враждебно относившіеся къ Москвѣ, съ охотою стали его поддерживать, надѣясь чрезъ него подчинить себѣ русское государство. Въ 1604 г. самозванецъ двинулся къ Москвѣ. Постепенно ему стали сдаваться одинъ городъ за другимъ, такъ какъ чернь, подготовленная молвою, была ослѣплена его льстивыми грамотами. Въ нихъ онъ называлъ себя прирожденнымъ царевичемъ, сыномъ Іоанна Васильевича, спасшимся отъ козней Годунова благодаря Божію покровительству, а Бориса выставлялъ своимъ врагомъ и государевымъ измѣнникомъ. Тогда царь Борисъ и патріархъ Іовъ стали принимать мѣры противъ Лжедимитрія. Такъ, Іовъ въ 1604 г. писалъ къ высшей радѣ короны польской и великаго княжества литовскаго, къ архіепископамъ, епископамъ и всему духовенству польскому, убѣждая ихъ, что самозванецъ—бывшій діаконъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ. Писалъ Іовъ и къ знаменитому воеводѣ кіевскому, князю Константину Острожскому. Съ клятвою увѣряя москвичей, что царевичъ Димитрій давно скончался, что самозванца онъ, Іовъ, знаетъ, потому что тотъ былъ діакономъ и писцомъ у патріарха, Іовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсылалъ граматы къ боярамъ, воеводамъ и къ войскамъ, а въ началѣ 1605 года разослалъ граматы по всей Россіи—архіереямъ и всему русскому народу. Патріархъ приказывалъ духовенству читать его грамату по церквамъ, служить молебны о дарованіи Борису побѣды

надъ самозванцемъ и предавать проклятью и самого самозванца, и переходящихъ къ нему измѣнниковъ.

Между тѣмъ 13 апрѣля 1605 г. царь Борисъ Ѳеодоровичъ скоропостижно скончался. Смерть царя повергла столицу въ унынье и смятенье. Среди общаго народнаго отчаянія и безпокойства неусыпно бодрствовалъ одинъ патріархъ Іовъ. Онъ прежде всего постарался, по возможности, успокоить москвичей, а затѣмъ патріархъ, а съ нимъ духовенство, бояре и весь народъ присягнули вдовѣ Бориса, царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ, его сыну Ѳеодору, котораго признали царемъ, и дочери Ксеніи. Всѣ дали клятву не измѣнять имъ и не признавать самозванца. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Москва нарушила свою клятву. Пораженные успѣхами Лжедимитрія и пострекаемые врагами Годуновыхъ, москвичи 1 іюня 1605 г. объявили Лжедимитрія своимъ царемъ, истиннымъ сыномъ Ивана Грознаго: „если бы Димитрій подлинно былъ самозванецъ, то бояре не присягнули бы ему“, —такъ убѣждали при этомъ простой народъ друзья самозванца. Самозванецъ въ это время былъ въ Серпуховѣ. Онъ потребовалъ, чтобы москвичи до его вступленія въ столицу уничтожили всѣхъ его враговъ. А самымъ виднымъ его врагомъ былъ патріархъ Іовъ, который и послѣ признанія москвичами Лжедимитрія за истиннаго царевича „стоялъ непоколебимый со слезами, моля и укрѣпляя ихъ; но ни въ чемъ же успѣ. Міромъ же пріндоша (друзья самозванца) во градъ и боляръ (преданныхъ Годуновымъ и патріарху) взяша, и поведоша на лобное мѣсто“. 10 іюня Іовъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ литургію и обличалъ безумныхъ клятвопреступниковъ. И вотъ, во время самой литургіи, какъ повѣствуетъ самъ Іовъ, „множество народа царствующаго града Москвы“ съ оружіемъ и дрекольемъ въ рукахъ ворвались въ Божій храмъ, проникли въ алтарь и тамъ стали срывать съ патріарха святительскія ризы. Іовъ успѣлъ самъ снять съ себя панагію, положилъ ее у чудотворной владимірской иконы Божьей Матери и со слезами произнесъ слѣдующую молитву: „О пречистая Владычица, Богородица! Предъ сею чудотворною иконою возложена на меня панагія святительская; съ нею я девятнадцать лѣтъ исправлялъ слово Сына твоего и Бога нашего, хранилъ цѣлость вѣры твоей святой; нынѣ же, по грѣхамъ нашимъ, какъ вижу, бѣдствуетъ царство, обманъ и ересь торжествуютъ. Спаси и утверди православіе, молитвами къ Сыну твоему“. Святая и искренняя молитва патріарха только озлобила злодѣевъ. Они надѣли на него рясу простого монаха, позорно таскали его по площади, били и влекли уже на лобное мѣсто, „бѣ бо, говоритъ жизнеописатель Іова, опалился отъ бѣснованія“. Можетъ быть, Іовъ былъ бы убитъ, но „воры и грабители мнози“ стали кричать: „богатъ, богатъ, богатъ Іовъ патріархъ! Идемъ и разграбимъ имѣнія его“.

Толпа бросилась грабить патріаршій дворъ, а исполнители воли Лжедимитрія посадили Іова въ телѣгу и отвезли его, согласно выраженному имъ желанію, въ Старицкій Успенскій монастырь, „на обѣщаніе его“, т. е. туда, гдѣ онъ далъ обѣтъ монашества.

Настоятелемъ Старицкаго монастыря въ то время былъ знаменитый впослѣдствіи архимандритъ Троицкой лавры, преподобный Діонисій, уроженецъ тверского края, воспитанникъ и постриженикъ Старицкаго же монастыря. Діонисій получилъ грамату, въ которой относительно сосланнаго патріарха сказано было: „держати (его) во озлобленіи скорбнемъ“. Но Діонисій, глубоко чтя первосвятителя, „приставовъ (привезшихъ патріарха и грамату) учреди, якоже довлѣетъ“, т. е. угостилъ на славу, „и отпусти ихъ съ честію, а самъ со всею братіею и со многими горькими слезами, не вѣдый, что сотворити великому пастырю, и молитъ и проситъ, что повелитъ и что укажетъ еже о себѣ творити, понеже бо знаемо бѣ ему все житіе святѣйшаго отца, не бояше бо ся никакого озлобленія, ни глада же, ни жажды, ни смерти, никогда же не стужающе ему.“ А Іовъ весь отдался молитвѣ: „бдѣніе же всенощное и колѣнное поклоненіе, то убо бѣ и дѣло ему всегда“.

Между тѣмъ въ Москвѣ были убиты царица Марія и новый царь Ѳеодоръ Борисовичъ и воцарился Лжедимитрій. На мѣсто низверженнаго Іова поставленъ былъ безнравственный хитрый грекъ, склонный къ католичеству, рязанскій архіепископъ Игнатій. Этотъ Игнатій для приличія просилъ благословенія у Іова; но старецъ, не давши благословенія, отвѣтилъ рѣзко: „по ватагѣ атаманъ, а по овцамъ пастухъ“. Самозванецъ вторично посылалъ Игнатія въ Старицу за тѣмъ-же и угрожалъ Іову муками, если не дастъ благословенія; но Іовъ не устрашился и далъ тотъ-же отвѣтъ. Недолго самозванецъ царствовалъ. Бояре, способствовавшіе его воцаренію, разочаровались въ немъ, а народъ не могъ полюбить его, такъ какъ онъ презрительно относился къ тому, что составляло святыню русскаго народа, не соблюдалъ постовъ, открыто развратничалъ, окружилъ себя поляками и т. п. 17 мая 1606 г. произошло народное возстаніе, и самозванецъ былъ убитъ. На царство былъ поставленъ главный виновникъ погибели самозванца, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который, однако, не могъ заслужить любви народной и поэтому не удержалъ за собою престола. Но во всякомъ случаѣ Шуйскій употребилъ всѣ усилія для утвержденія себя на престолѣ. Прежде всего, желая убѣдить русскій народъ въ томъ, что царевичъ Димитрій дѣйствительно скончался, царь разсылалъ всюду граматы и наконецъ торжественно перенесъ изъ Углича въ Москву мощи царевича, оказавшіяся нетлѣнными и источавшія многія чудотворенія. Затѣмъ Шуйскій пожелалъ возвра-

щенія Іова на патріаршій престолъ. Старецъ Іовъ, уже ослѣпшій къ этому времени, рѣшительно отказался отъ этой чести. Тогда патріархомъ былъ поставленъ мужъ непоколебимой твердости и правоты, митрополитъ казанскій Гермогенъ, подвергшійся опалѣ отъ самозванца за прямыя и рѣзкія обличенія его неприличнаго поведенія.

Смута въ Россіи съ убіеніемъ самозванца не прекратилась, а еще болѣе усилилась. Многіе были недовольны Шуйскимъ, какъ царемъ; далѣе появились новые самозванцы, выдававшіе себя за спасшагося будто-бы изъ Москвы во время народнаго возстанія Димитрія, т. е. перваго самозванца. Важнѣйшимъ изъ этихъ самозванцевъ былъ второй Лжедимитрій, извѣстный подъ именемъ „Тушинскаго вора“, такъ какъ жилъ долго въ с. Тушинѣ близъ Москвы.

Въ виду смуты и возможности новаго народнаго возстанія, царь Василій и патріархъ Гермогенъ рѣшили устроить всенародное покаяніе. Патріархъ написалъ Іову посланіе, гдѣ отъ имени царя умолялъ его пріѣхать въ Москву для великаго земскаго дѣла и отправилъ въ Старицу Крутицкаго митрополита Пафнутія и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. „Преклоняемъ колѣна, писалъ Гермогенъ къ Іову, удостой насъ видѣть благолѣпное лицо твое и слышать гласъ твой сладкій; молимъ тебя именемъ смятеннаго отечества.“ Престарѣлому и уставшему отъ постоянныхъ трудовъ Іову предстояло, такимъ образомъ, въ послѣдній разъ выступить для служенія отечеству. Іовъ согласился и 14 февраля 1607 г. прибылъ въ Москву. 20 февраля въ Успенскомъ соборѣ совершено было самое всенародное покаяніе. Собралось множество народа. Іовъ стоялъ у патріаршаго мѣста, а Гермогенъ совершилъ молебное пѣніе. Послѣ молебна народъ съ плачемъ и воплемъ обратился къ Іову, прося у него прощенія. Архидіаконъ громогласно прочиталъ Іову челобитную, въ которой москвичи каялись въ своихъ тяжелыхъ преступленіяхъ, какъ они клялись служить вѣрою и правдою царю Борису, а потомъ сыну его Ѳеодору, какъ обѣщали съ клятвою не принимать Лжедимитрія, какъ послѣ нарушили свою клятву и ослушались своего духовнаго отца и пастыря Іова. Поэтому, они просили бывшаго патріарха разрѣшить имъ всѣ эти преступленія, и не только имъ, но и всѣмъ русскимъ людямъ, и даже тѣмъ, кто уже умеръ. По прочтеніи этой челобитной, архидіаконъ съ амвона прочиталъ разрѣшительную грамату, въ которой патріархъ Іовъ, а также Гермогенъ и весь освященный соборъ давали москвичамъ и русскому народу отъ имени Божія прощеніе въ указанныхъ въ челобитной преступленіяхъ. О Лжедимитріи Іовъ говорилъ народу такъ: „я давалъ вамъ страшную на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ самозванецъ; но вы не хотѣли мнѣ вѣрить,— и произошло то, чему нѣтъ примѣра ни въ священной ни въ свѣт-

ской исторіи.“ Впечатлѣніе отъ этой граматы было неописанное. Народъ плакалъ отъ радости, припадалъ къ стопамъ Іова, который въ послѣднія минуты жизни давалъ Россіи примиреніе съ небомъ, и цѣловалъ десницу бывшаго патріарха; а Іовъ, какъ бы уже умирая, давалъ послѣднее благословеніе своему горестному отечеству, возвѣщалъ ему умилостивленіе Божіе и убѣждалъ всѣхъ, чтобы, получивъ сейчасъ прощеніе и разрѣшеніе, никто не осмѣливался впредь нарушать крестное цѣлованіе. „Чада духовная, говорилъ онъ, во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ и въ преступленіи крестнаго цѣлованія, полагаяся на премилостивыя щедроты Божіи, васъ вкупѣ всѣхъ православныхъ христіанъ прощаемъ и разрѣшаемъ въ сіи вѣкъ и въ будущій. Впредь же молю васъ не дѣлать клятвопреступленій; потому что великое дѣло цѣловать честный и животворящій крестъ, на коемъ самъ Владыка нашъ Христосъ Богъ волею распялся за грѣхи наши; а вы съ клятвою, и притомъ неоднажды, цѣловали сей животворящій крестъ и сдѣлались клятвопреступниками.

Возвратившись въ Старицу, патріархъ Іовъ чрезъ 4 мѣсяца тихо скончался. О блаженной его кончинѣ и погребеніи въ древнемъ житіи говорится такъ: „Въ лѣто 7115 (т. е. 1607), іюня въ 19 день, противъ воскресенія Христова въ нощи преставися преподобный и святѣйшій Іовъ, патріархъ первопрестолный Московскій и всеа Россіи, во своемъ обѣщаніи, во обители Успенія Пречистыя Богородицы, во градѣ Старицы; въ той же святѣй обители и погребенъ бысть честнѣ крутицкимъ Пафнутіемъ митрополитомъ и тверскимъ Феоктистомъ архіепископѣмъ со освященнымъ соборомъ; а положенъ бысть близъ церкви Успенія Пречистыя Богородицы, у западныхъ дверей, противъ праваго крилоса подлѣ ево началнаго отца, того же монастыря архимандрита Германа, на правой сторонѣ“. Такъ, Іовъ, вѣроятно, по собственному желанію, почилъ возлѣ своего воспитателя и второго, духовнаго отца. Далѣе о погребеніи Іова въ житіи повѣствуется: „егда же сего святѣйшаго Іова патріарха готовляху къ погребенію, тогда служаху крутицкій митрополитъ Паѳнутій и архіепископъ Феоктистъ соборомъ, и съ ними же въ службѣ дѣйствоваше архимандритъ Діонисій и съ протчими священницы и діаконы, поддерживающе святѣйшаго Іова патріарха мощи. И во время, егда служаху божественную литургію, на лицѣ сего святѣйшаго Іова патріарха бысть аки роса велика, Діонисій же ту росу отираше, и смочи два полотенца. По отпѣтіи божественныя литургіи, егда понесоша къ погребенію, и тогда лице его бысть свѣтло, яко живу ему сущу“. Въ монастырской описи 1607 года, составленной при архимандритѣ Діонисіи послѣ смерти перваго русскаго патріарха, читаемъ: „а денегъ послѣ Іева патріарха осталось пятнадцать рублевъ, и тѣ деньги изошли на погребеніе. Да платья: шуба кунья подъ кам-

кою двояличною, дву шелковъ; и та шуба отдана на (т. е. за) погребенье Тверскому архіепископу Ѳеоктисту". Перечисляетъ опись и другія, оставшіяся послѣ Іова, вещи: образа, шубы (одна, корсочья, „отдана на сорокоустъ по патріархѣ Іевѣ манастырскимъ чернымъ пяти священникамъ, да дву діаконамъ, да дву пономарямъ"), „двадцать восемь куницъ, да семь корольковъ" (кораллы?), отданныхъ „племяннику патріархову Ѳедору Пасынкову" (родственники патріарха, очевидно, ухаживали за невиннымъ страдальцемъ въ его невольномъ заточеніи). Не много осталось еще вещей послѣ Іова: налой, рукомойникъ, кодиленька, постелька, три подушки, скуфейки, четки и т. п. Вообще, патріархъ Іовъ отличался крайнею нестяжательностью. Онъ самъ признавалъ въ себѣ эту добродѣтель. Въ 1604 г., когда появился самозванецъ и когда патріархъ уже состарѣлся, Іовъ счелъ нужнымъ написать свою духовную грамоту. Здѣсь онъ говоритъ, что великіе были милостыни и несчетны дачи ему, заздравныя и заупокойныя, отъ царей Ѳеодора Іоанновича и Бориса Ѳеодоровича и отъ ихъ семействъ, великіе были патрахильные доходы и всякія пошлины, поступавшія въ келейную патріаршую казну, но „Богъ свидѣтель, что я въ томъ пріобрѣтеніи корысти себѣ не стяжалъ. А дѣлалъ я на тѣ келейныя деньги въ домѣ пречистой Богородицы для ризницы митры и саккосы, епитрахили, стихари, поручи и пояса, кадила и лампады серебряныя. Еще давалъ я изъ тоѣ казны на сооруженіе церкви трехъ святителей московскихъ Петра, Алексія и Іоны, что на патріаршемъ дворѣ. Да тоюжъ келейною казною устроялъ домовыя села пречистой Богородицы, которыя запустѣли прежде насъ и которыя погорѣли въ наши дни, и сооружалъ въ тѣхъ селахъ церкви, населялъ христіанъ, давалъ на подмогу имъ деньги, и всячески пособлялъ отъ себя нуждающимся и погорѣвшимъ христіанамъ". Сказанное Іовомъ о себѣ въ духовной грамотѣ вполнѣ подтверждается описью Старицкаго монастыря 1607 г. и сохранившимися въ Москвѣ, въ Старицкомъ монастырѣ и въ другихъ мѣстахъ иконами и вещами, пожертвованными имъ. Въ ризницѣ Старицкаго монастыря хранится большой напрестольный крестъ съ разными мощами, серебренный, чеканный, позлащенный, унизанный крупнымъ жемчугомъ (болѣе 200 зеренъ). На немъ надпись: „лѣта 7109 (1601) ноября 15 дня сдѣланъ сей честный и животворящій крестъ въ пречестную и великую обитель Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія города Старицы повелѣніемъ великаго господина святѣйшаго Іева, патріарха Московскаго и всея Русіи при архимандритѣ Пимене". Въ древней монастырской описи перечисляются сдѣланныя въ разное время „дачи" (пожертвованія) патріарха Іова въ монастырь. Особенно много патріархъ пожертвовалъ образовъ, панагій, соладней и др. вещей въ 1606 г. „по своей душѣ

и по своихъ родителѣхъ", а также „по келейникѣ своемъ, по старцѣ Аѳонасьѣ" Климентьевѣ, скончавшемся 21 октября того года и также оставившемъ монастырю послѣ себя разныя вещи, преимущественно—книги (нѣсколько евангелій, тріодей, октоиховъ, миней, толковое евангеліе, творенія Василія Великаго и др.).

Архимандритъ Діонисій благоговѣйно чтилъ патріарха Іова. Поэтому, онъ соорудилъ гробницу надъ могилою патріарха. О ней въ описи сказано: „на правой сторонѣ у церкви гробница каменна надъ святѣйшимъ Іевомъ патріархомъ Московскомъ и всея Русіи; а дѣлана гробница въ сто пятагонадесять году" (т. е. въ 1607 г.). На гробницѣ имѣется слѣдующая надпись: „лѣта 7115 (1607) іюня въ 19 день преставися великій господинъ святѣйшій Іовъ патріархъ Московскій и всея Русіи". Въ Успенскомъ храмѣ высоко на стѣнѣ противъ могилы патріарха сохранилась такая надпись: „на семъ мѣстѣ погребенъ Божій рабъ святѣйшій Іовъ патріархъ Московской и всея Росіи, и во 160 году (1652) мощи ево взяты (нѣсколько словъ не сохранилось) въ Москвѣ". Затѣмъ, согласно житію, „по ево (Іова) святительскому приказу и повелѣніемъ архимандрита Діонисія, надъ гробомъ его создана палатка каменна", сохранившаяся до нашихъ дней, хотя, судя по описямъ, прежде она была не въ такомъ убогомъ видѣ, въ какомъ находится сейчасъ. Такъ, между прочимъ, исчезъ обозначенный въ описи 1763 года „надъ гробницей святѣйшаго патріарха Іова образъ Пресвятыя Богородицы осмилистовой въ моленіи святѣйшаго Іова патріарха Московскаго".

Древнее житіе разсказываетъ о чудесахъ патріарха Іова послѣ его преставленія. Такъ, онъ явился архимандриту Діонисію затѣмъ, чтобы сказать ему, что его, Іова „святительскій приказъ" о палатѣ надъ его гробомъ надо было понимать не буквально, а какъ-то иначе: „мнѣ ди палатка строить не тѣмъ переводомъ". Смыслъ этихъ словъ по житію не вполнѣ ясенъ; возможно, что патріархъ говорилъ о томъ, чтобы братія монастыря не забывала его пастырскихъ предсмертныхъ наставленій, а это и будетъ лучшимъ украшеніемъ его гробницы. Другія два чуда—исцѣленія двухъ одержимыхъ изступленіемъ ума, или бѣсноватыхъ. Въ описаніи перваго чуда есть изображеніе разоренія Старицы въ 1609 г. „литовскими воинами и русскими ворами", при чемъ пострадалъ и монастырь: „переѣхавъ рѣку Волгу, монастырь Пречистыя Богородицы такождѣ пожгоша и въ немъ священноиноковъ и протчихъ людей посѣкоша". Объ этомъ-то и предсказывалъ явившійся изступленному умомъ Іоанну Іоаннову сыну Тулупову патріархъ Іовъ, молитвами котораго больной исцѣлѣлъ послѣ того, какъ на другой день послѣ явленія Іова сталъ обличать ворвавшихся въ городъ литовскихъ людей и за это ими былъ зарубленъ мечами и

копьями почти до смерти. Другой больной, также изступленный умомъ и бѣсноватый, „крестьянинъ Іоаннъ, по реклу Баксъ“ исцѣлился послѣ послѣ того, какъ отслужилъ въ монастырѣ „молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ и святому Іову патріарху паннихиду“.

Въ 1652 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и при патріархѣ Іосифѣ, по мысли тогда еще митрополита (впослѣдствіи патріарха) Никона и по соборному опредѣленію, рѣшено было перенести въ Московскій Успенскій соборъ останки трехъ святителей, пострадавшихъ въ прежнее время за вѣру и отечество: патріарха Іова изъ Старицы, патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря и митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря. Мощи первыхъ двухъ патріарховъ были обрѣтены нетлѣнными, а останки митрополита Филиппа были обрѣтены нетлѣнными еще при Іовѣ. За мощами патріарха Іова были отправлены въ Старицу ростовскій и ярославскій митрополитъ Варлаамъ II, боярин Михаплъ Салтыковъ и другія лица. При обрѣтеніи мощей патріарха Іова, по сказанію его древняго жизнеописателя, которому „своими усты глаголаше“ исцѣленный, совершилось такое чудо: нѣкто посадскій человѣкъ, именемъ Іоаннъ, Александровъ сынъ, страдавшій тяжелымъ недугомъ изступленія ума, приведенъ былъ родителями ко гробу Іова; и больной, прикоснувшись къ мощамъ, тотчасъ навсегда избавился отъ своего недуга. Затѣмъ, когда мощи переносились изъ Старицы въ Москву, то на пути, въ селѣ Ильинскомъ и въ селѣ Латышинѣ получили исцѣленіе двѣ также изступленныя, или бѣсноватыя: дѣвица Іулитта, Харитонова дочь, и замужняя Агрипина, Тарасова дочь. Наконецъ, въ самой Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ совершилось чудо исцѣленія надъ крестьяниномъ Успенской (Устьянской—по другому чтенію) волости Исаакіемъ, у котораго много лѣтъ было заложено правое ухо, изъ послѣдняго сочился всегда гной, отчего происходилъ большой шумъ въ головѣ и полъ-головы даже отнялось. Приложившись къ мощамъ Іова, Исаакій освободился отъ своей болѣзни.

Жители Старицы и братія монастыря съ плачемъ провожали мощи и такъ прощались съ Іовомъ: „О святителю Христовъ, Іове, отче нашъ! Не остави посѣщати градъ нашъ и святую обитель свою, идѣже твои мощи многострадальныя почиваху; нынѣ видимъ мы, грѣшніи, яко ты, пастырю нашъ, отходиши отъ насъ на свое бребываніе, а насъ оставляеши сирыхъ быти во градѣ семъ. Святителю Христовъ, Іове! Нынѣ мы, грѣшніи, провождаемъ тебе, пастыря своего и заступника, къ кому намъ будетъ пріити въ обитель святыя Богородицы, кому намъ поклонитися, и у кого намъ благословеніе и заступленіе просити о грѣхахъ своихъ? Монастырская братія и граждане провожали мощи „до двою

поприщу отъ града", гдѣ шествіе остановилось, и послѣ того, какъ было отпѣто „надгробное пѣніе", „граждане поидоша ко своему граду съ миромъ" и со слезами на глазахъ. Въ память этого прощанія монастыря и города съ мощами святѣйшаго патріарха Іова въ полуверстѣ отъ города по волоколамскому шоссе устроена часовня.

Встрѣча мощей „первопрестольника" Іова въ Москвѣ была весьма торжественная. Среди великаго стеченія народа царь и патріархъ вышли на встрѣчу св. мощамъ и послѣ богослуженія положили ихъ въ Успенскомъ соборѣ поверхъ пола, рядомъ съ патріархомъ Іоасафомъ, а впослѣдствіи устроена была надъ ними каменная надгробница.

Патріархъ Іовъ принадлежитъ къ числу русскихъ святыхъ не канонизованныхъ, мѣстно чтимыхъ московскихъ чудотворцевъ. Частицы мощей святѣйшаго патріарха Іова имѣются въ напрестольныхъ крестахъ въ Тверскомъ каѳедральномъ соборѣ и въ Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ. Въ старину праздновали 6 мая—память патріарха Іова (день его ангела), а 8 іюля—перенесеніе его мощей. Съ 1898 г. въ Старицкомъ монастырѣ ежегодно 19 іюня, въ день блаженной кончины Іова, совершается торжественно заупокойное служеніе и послѣ литургіи панихида въ часовнѣ, устроенной на мѣстѣ погребенія его, подъ монастырской колокольней, гдѣ, по преданію, помѣщалась и келія его.

Встрѣчая мощи Іова, патріархъ Іосифъ, бывшій тогда глубокимъ старцемъ (вскорѣ и скончался), со слезами сказалъ царю Алексѣю Михайловичу: „вотъ, смотри, Государь, каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава". И мы этимъ-же окончимъ повѣствованіе о первомъ патріархѣ. Какъ бы предвидя въ своемъ воспитанникѣ будущаго страдальца за правду, за вѣру и отечество, архимандритъ Германъ, постригая его въ иноки, нарекъ именемъ многострадальнаго Іова. И, какъ мы видѣли, Іовъ, дѣйствительно, всю свою жизнь провелъ въ трудахъ и страданіяхъ; онъ обильно оросилъ свою духовную ниву слезами. За то кончина его была мирная; никто изъ его современниковъ не оскорбилъ его памяти ни однимъ дурнымъ словомъ или отзывомъ, а послѣдующія поколѣнія русскихъ людей не переставали и не перестаютъ прославлять того, кто всю свою жизнь былъ великимъ страдальцемъ за истину и за благо русской церкви и русскаго народа.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧ...
АКАДЕМ...